

Большая семёрка вызвана на сцену конфронтацией с Пекином

(начало на стр. 1)

Уже в 1997 году азиатские кризисы, возникшие именно на тех рынках, которые продлили долгое мировое развитие, поставили под вопрос стратегический цикл, обозначенный в “Тезисах” 1957 года. Если развитие Азии отодвинуло кризис старых держав империализма, а теперь кризис поразил именно Азию, то не является ли это сигналом о скором завершении цикла?

Если бы это было условием противостояния, отмечали мы в 1998 году в статье “Развитие и кризис унитарного империализма”, то это означало бы, что развитие мирового рынка больше не в состоянии сдерживать *«конкуренцию между старыми и новыми империалистическими державами»* в условиях цикла империалистического либеризма. Эта конкуренция происходила бы *«в условиях кризиса и империалистического протекционизма»*, и это стало бы *«признаком зарождающейся фазы нового цикла»*.

В то время мы считали, что эти кризисы *«по качеству и диапазону»* не были такими, чтобы вызвать изменение знака цикла, и анализировали их как *кризисы интернационализации*. Вопрос, однако, был поставлен. В 2000-х годах вторжение Китая начало резко менять соотношение сил в мировом балансе, трансформируя именно *«качество»* и *«диапазон»* империалистических противоречий. Война *по выбору* США в Ираке в 2003 году санкционировала *новую стратегическую фазу*, в которой старый стратегический цикл, определённый в 1957 году, должен был подойти к концу; финансовый шторм 2008 года ещё не ознаменовал *краха порядка*, но определённо продемонстрировал его *кризис*, который в этом смысле был *кризисом глобальных отношений*. В 2020 году пандемия столетия и в 2022-м украинская война послужили поводом для исключительных планов государственного вмешательства, вызвав, однако, структурный поворот к направлениям *промышленной политики*, мерам неясного протекционизма и тенденции к возврату к государственному капитализму. Темпы, с которыми старый либеристский цикл переходит в новые условия *кризиса порядка*, увеличились.

Эдвард Люс пишет в *Financial Times*, что в США существует *«новый вашингтонский консенсус»*; прошлая цель *«интеграции»* Китая в глобальную систему, правила которой определяли США, *«сменилась дебатами о том, как деинтегрировать Китай»*. Новая ориентация ограничивается американским унилатерализмом, является *«геополитической»* – в том смысле, что в ней доминирует цель *«национальной безопасности»* сдерживания Китая, – и она столь же *«пессимистична»*, как предыдущий консенсус был *«оптимистичным»*. Американский дух *«можно сделать»* сменился списком ограничений: США *«не могут заключать торговые соглашения, не могут вести переговоры по глобальным цифровым правилам, не могут выполнять решения ВТО и не могут способствовать реформе Бреттон-Вудской системы»*. По мнению Арно Лепарментье из *Le Monde*, Джо Байден реализовал чаяния Дональда Трампа; в США существует *«новый социальный и националистический консенсус, который опирается на реиндустриализацию и массивные субсидии экономике»*.

Джейк Салливан возглавляет NSC, Совет национальной безопасности при президенте Байдене. В своей программной речи в Брукингском институте он отверг такое прочтение линии Байдена, настолько сведённое к ренационализации; *«новый вашингтонский консенсус»*, по его мнению, не означает *«Америка одна»* или *«Америка и Запад для исключения других»*. Однако его аргументы – это обвинительный акт против канонов предыдущего либеристского цикла, поскольку он может иметь последствия для промышленной базы, безопасности, окружающей среды и условий жизни *«среднего класса»*. *«Четыре вызова»*, которые видит Салливан, заслуживают пунктуального рассмотрения, потому что они являются новым материалом для социал-империалистической политики в условиях, которые мы в своё время назвали *идеологическим кризисом глобализации*.

Во-первых, отказ от государственного вмешательства, который Салливан считает неотъемлемой частью американской истории, уступил место *«идеям, выступающим за снижение налогов и дерегулирование, приватизацию за счёт государственных действий и либерализацию торговли ради либерализации»*. Во имя мифа об эффективности рынка *«целые цепочки поставок стратегических товаров»* переместились за границу. Либерализация торговли привела к экспорту рабочих мест и производственного потенциала;

безразличие к *«типу роста»* благоприятствовало финансам и привело к атрофии целых секторов, таких как полупроводники и инфраструктура.

Во-вторых, необходимо адаптироваться к новым условиям *«геополитической конкуренции и конкуренции в сфере безопасности»*. Либеристская политика была основана *«на предпосылке, что экономическая интеграция сделает страны более ответственными и открытыми, а мировой порядок – более мирным и основанным на сотрудничестве; что включение стран в порядок, основанный на правилах, даст им стимул придерживаться этих правил»*. Вместо этого Китай проблематично интегрировался в международный экономический порядок; Пекин продолжил *«чересчур массово субсидировать»* как традиционные отрасли, так и новые технологии, в результате чего Америка потеряла долю производства и *«подорвала»* свою конкурентоспособность.

Экономическая интеграция не помешала Китаю увеличивать свои военные амбиции и не остановила вторжение России в соседние страны: *«Ни одна из этих стран не стала более ответственной или более склонной к сотрудничеству»*. Стало опасно игнорировать *«экономические зависимости, накопившиеся за десятилетия либерализации»*, которые могут быть использованы в качестве экономических или геополитических рычагов: энергетическая зависимость от России в Европе или уязвимость цепочек поставок.

В-третьих, проблема *«ускорения климатического кризиса»*, когда не будет выбора между *«ростом»* и *«климатом»*. Для президента Байдена решение экологической проблемы означает *«рабочие места»*, возможность, которая требует *«продуманной инвестиционной стратегии»*.

Наконец, в-четвёртых, *«проблема неравенства»*. Предполагалось, что рост, вызванный глобализацией, позволит распределить выгоды *«внутри стран»*; вместо этого *«американский средний класс потерял позиции»*, *«американские производственные сообщества опустели»*, передовые отрасли были перемещены. Хотя причины этого сложны, включая структурные изменения, вызванные цифровой революцией, ключевыми являются *«десятилетия»* либеристской политики, такие как регрессивное снижение налогов, сокращение государственных инвестиций, неконтролируемые корпоративные слияния и антипрофсоюзные меры, в то время как пропорции *«китайского шока»* в отношении производства не были хорошо оценены. В результате эти силы подорвали *«социально-экономические основы»*, на которых покоится демократия, что является аллюзией на *«электоральные восстания»*, которыми отмечен политический цикл на Западе, и конвульсии президентства Трампа. В формулировках, свидетельствующих о предстоящем электоральном вызове по поводу второго срока Байдена, Белый дом заходит так далеко, что провозглашает защиту *«рабочего класса»*.

Салливан излагает стратегию из четырёх шагов. Первый – это *«новая промышленная стратегия»*, для разработки которой он обращается к Брайану Дису, ещё несколько месяцев назад возглавлявшему НЭС, Национальный экономический совет при президенте. Дис был экономическим советником Хиллари Клинтон и Барака Обамы, участвовал в спасении Chrysler и вёл переговоры о присоединении США к Парижским климатическим соглашениям; ранее он работал в финансовой группе BlackRock, контролируя её экологическую инвестиционную политику, его считают архитектором таких планов Байдена, как *«План спасения, Закон о чипах и науке и IRA – Закон о борьбе с инфляцией»*. В стратегических секторах, где *«частная промышленность сама по себе не может сделать необходимые инвестиции»*, *«промышленная политика»* целевых государственных инвестиций должна разблокировать рынки. Повестка дня Байдена предусматривает привлечение в общей сложности 3,5 триллионов долларов государственного капитала и частных инвестиций в течение десятилетия.

Второй шаг касается отношений между США и их союзниками. Салливан ссылается на совместное заявление Байдена и Урсулы фон дер Ляйен по энергетическому переходу, которое предусматривает координацию между США и ЕС с целью *«смелых государственных инвестиций в промышленный потенциал друг друга»*, устойчивые и безопасные цепочки поставок, *«которые отражают наши ценности, включая те, что относятся к сфере труда»*, согласование стимулов и переговоры по поставкам критических материалов и батарей. Аналогичные инициативы были запущены с Канадой и Японией; координация стимулов в области полупроводников обсуждается с Европейским союзом, Южной Кореей, Японией,

Тайванем и Индией. Салливан, заметим, открыто заявляет, что рычагом для этих переговоров стали стимулы IRA посредством протекционистской угрозы, которую они несли: *«Мы используем Закон о борьбе с инфляцией для создания экосистемы производства чистой энергии, укоренённой в цепочках поставок здесь, в Северной Америке, и распространяющейся на Европу, Японию и другие страны. Так мы превратим IRA из источника трений в источник силы и надёжности».*

Третий шаг касается торговых соглашений и ВТО, где Салливан призывает отказаться от политики либерализации 1990-х годов, в центре которой было снижение тарифов. Новая политика, а также реформа ВТО должны будут учитывать новые приоритеты цепочек поставок, климата, создания рабочих мест, безопасности цифровой инфраструктуры, корпоративного налогообложения и защиты труда. Протекционистские намерения проглядывают в заявлении о том, что речь идёт об *«обеспечении того, чтобы наши конкуренты не получали преимущества за счёт деградации планеты»*; для Салливана *«игра уже не та»*, но инструмент привычный – обвинение конкурентов в экологическом или социальном демпинге. В рамках политики *«инновационного экономического партнёрства»* упоминается рамочная программа IPEF в Азии, с помощью которой был подтверждён TPP, Совет по торговле и технологиям между США и ЕС, APEC – Партнёрство Америк для экономического процветания, объединяющее Канаду, Мексику и некоторые страны Латинской Америки, а также трёхсторонняя координация между США, Южной Кореей и Японией.

Наконец, в качестве четвёртого шага Салливан предлагает мобилизовать *«триллионы инвестиций в развивающиеся экономики»* в качестве альтернативы китайской программе «Пояс и путь». Всемирный банк и региональные банки развития должны заниматься проблемами климата и окружающей среды; Партнёрство для глобальной инфраструктуры и инвестиций (PGII) будет направлять инвестиции в энергетику и инфраструктуру. В отношении реструктуризации долгов в наиболее уязвимых странах Китай призывается быть *«конструктивной силой»*.

Что касается Пекина, Салливан использует формулу фон дер Ляйен, которую уже взяла на вооружение министр финансов Джанет Йеллен. США выступают за *«дерискинг»* и *«диверсификацию»*, а не *«декаплинг»* – отделение от китайской экономики. Что касается ключевых технологий и полупроводников, то образ, который призван успокоить, – это защита *«маленького двора с высоким забором»*. Целью экспортных ограничений якобы является не *«технологическая блокада»* Пекина, а политика *«целевых ограничений»* там, где есть *«беспокойство о национальной безопасности»*: меры будут сосредоточены на узкой области чувствительных технологий *«и на небольшом количестве стран, которые намерены бросить нам военный вызов»*. Заключение отражает возможный переломный момент трансатлантического и японо-американского компромисса, по крайней мере, на данный момент: США конкурируют с Китаем, но не стремятся к *«конфронтации или конфликту»*; они будут стремиться *«управлять конкуренцией ответственно»* и сотрудничать в решении глобальных проблем, таких как *«климат, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и продовольственная безопасность»*. Эта дозировка недалеко от триптиха, рассматривающего Китай как *партнёра, конкурента и системного соперника*, подтверждённого в Брюсселе с дополнительным акцентом на соперничестве, но по своей сути двойственным в многообразии его возможных интерпретаций.

Сильви Кауффманн на страницах *Le Monde* использует образ *«динамического треугольника»* для иллюстрации отношений между Америкой, Европой и Китаем, где каждая держава определяет себя по отношению к другим *«и каждое движение имеет значение»*. Треугольник не является ни равносторонним, ни равнобедренным, поскольку Европа хочет быть неравноудалённой от США и Китая: у ЕС есть союз с Вашингтоном, который укрепила война на Украине. Это, однако, не мешает европейцам пытаться определить собственную линию по отношению к Китаю, который, в свою очередь, движется исходя из соперничества с США.

По мнению Кауффманн, речь Салливана в Брукингсе является разъясняющей; она предстаёт как *«новый вашингтонский консенсус»* и *«могла бы быть написана в Брюсселе, настолько сильно она отражает озабоченность европейцев»*. И наоборот, американцы оценили речь фон дер Ляйен в фонде Merics, где она усилила напористость по отношению к Пекину, и дали понять, что *«это могли бы написать они»*.

Кауффманн отмечает, что сближение отчасти косметическое. Примирительный тон Вашингтона объясняется тем, что Европа находится в процессе размышлений о своей политике в отношении Китая, где одни хотели бы более жёсткой линии, а другие – в первую очередь Германия, Италия и Франция – не хотят быть втянутыми в конфронтацию между Вашингтоном и Пекином. И американское беспокойство по поводу отсутствия контактов между Байденом и Си Цзиньпином имело большое значение, при этом Салливан и Йеллен дали понять, что диалог с Китаем остаётся приоритетом для США. Это подтверждается, заметим, последующей оценкой инициативы Китая по Украине госсекретарём Энтони Блинкеном и продолжительной встречей в Вене Салливана с Ван И: уровень противостояния повышается, но в *динамическом треугольнике* Вашингтон пытается избежать более неблагоприятных отношений с Пекином, чем отношения между ЕС и Китаем.

Если выступление Салливана в Брукингсе, несомненно, является показательным в плане указания на новые черты, которые приобретают глобальные отношения, где конкуренция в либерализации сменяется государственным интервенционизмом и приоритетом экономической безопасности в стратегическом соперничестве с Пекином, то тезис о том, что это свидетельствует о *новом вашингтонском консенсусе*, требует ряда проверок.

Первая касается самих американских течений. На Уолл-Стрит существует *китайская партия*, опирающийся на многие ключевые промышленные и финансовые группы. Адам Туз в *Financial Times* пишет, что «бизнес» ещё никогда не имел такого слабого влияния и что аргументация необходимости «улаживания» в связи с историческим восхождением Китая теперь рассматривается в Вашингтоне как «предательство». Хотя это может отражать преобладающий политический климат, отметим, немислимо, чтобы столь значительные группы и фракции американского империализма не находили выражения; это отражается в политике *двух рук* в отношении Китая, которая продолжает присутствовать в администрации Байдена и в некоторой степени, как мы видели, находит отклик и в линии Салливана. Что касается отказа от либеристского кредо, то его оспаривают такие фигуры, как Ларри Саммерс, который был министром финансов в 1990-х годах при Билле Клинтоне, и такие ключевые круги, как Институт Петерсона. Адам Позен, президент Института Петерсона, в журнале *Nikkei* оспорил политику субсидий и *френдшоринга* – факторов, ослабляющих производительность – как проигрышную и протекционистскую и призвал Японию «сопротивляться» США и Китаю, защищая свободную торговлю.

Алан Битти в *Financial Times* считает, что США ослаблены внутренними разногласиями и неспособностью разделить стратегию с союзниками; Вашингтон будет воспроизводить «традиционный военный подход США» в вопросах экономической стратегии – назначить цель и начать давить на других, чтобы они встали в очередь, «вместо того чтобы договариваться о совместном подходе или использовать многосторонние форумы». *The Economist* видит в линии Салливана провозглашение «доктрины Байдена», которая слишком «труслива и пессимистична», страдает от нарратива «американского упадка» и не может разрешить противоречие между «токсичной» внутренней политикой и «стержневой» ролью «либерального порядка», который должен быть предсказуемым образом предложен союзникам и развивающимся экономикам.

Вторая проверка касается трансатлантического альянса. Несомненно, и ЕС движется в направлении интервенционистской политики в энергетическом и цифровом сражении, а также в реализации задач по обеспечению *технологического суверенитета*; Франция и еврокомиссар Тьерри Бретон лидируют на этом пути, вплоть до того, что президент Эммануэль Макрон утверждает, что он привёл Союз к повороту в сторону *промышленной политики* и заявляет, что направил его к «европейскому IRA». Здесь, если угодно, вопрос для ЕС заключается в том, позволит ли федеративное/конфедеративное сочетание полномочий Брюсселя и государств эффективно ответить США без фрагментации внутреннего рынка. Взаимосвязанным, но отдельным является вопрос о дозировках *экономической безопасности* по отношению к Пекину, а также узел защиты будущего глобализации.

Канцлер Германии Олаф Шольц подхватывает формулу фон дер Ляйен, сводя её до «разумного дерискинга», но утверждает, что необходимо обратиться к «глобальному Югу» и «скорее заключить новые соглашения о свободной торговле», начиная с соглашения между ЕС и МЕРКОСУР. Доклад института SWP «США и Китай на линии столкновения» написан Хансом Мауллом, Ангелой Штанцель и Йоханнесом Тиммом и, по-видимому, близок к

установкам канцелярии. В нём утверждается, что Германия и ЕС должны искать альянсы, чтобы смягчить политику Вашингтона и Пекина и удерживать их от столкновения; неизвестность политического цикла США делает Европу *«единственным крупным игроком с последовательной многосторонней ориентацией»*; отношения с Китаем должны быть направлены на *«совместную эволюцию»* с Западом – формула Генри Киссинджера – и на роль *«ответственного акционера»* в международном сообществе – линия Роберта Зеллика, который является одним из лидеров *китайской партии* в Вашингтоне. В рамках своей мультилатералистской стратегии Германия должна работать над укреплением ВТО и привлечением ЕС к участию в азиатско-тихоокеанском Всеобъемлющем и прогрессивном соглашении о Транстихоокеанском партнёрстве (СРТРП), том самом соглашении о свободной торговле, наследнике Транстихоокеанского партнёрства (ТРП), которое Вашингтон так и не смог подписать и которое Японии взялась сохранить.

В конце концов, если новые этатистские черты противостояния и заметное обострение стратегической борьбы с Китаем несомненны, то доктрина Байдена, изложенная Салливаном, всё ещё находит в самом Вашингтоне открытую конфронтацию, а течения европейского мультилатерализма пытаются опираться на эту диалектику, чтобы сдерживать американскую политику в отношении Пекина.

Достигает ли результатов эта европейская, а также японская игра вторым номером?

Саммит Большой семёрки в Хиросиме подверг испытанию эту погоню за взаимным влиянием; результатом, похоже, стал трансатлантический компромисс – и транстихоокеанский с Японией, – который в любом случае происходит на более высоком уровне противостояния с Пекином. На протяжении многих лет Большая семёрка, казалось, теряла актуальность в угоду Большой двадцатке; показательно, что сегодня её снова вызывают на сцену в противостоянии с Китаем, превращая в *картель старых держав* перед лицом нового гостя в империалистическом разделе. На первый взгляд, похоже, в итогах саммита, не очень далёких от канвы, указанной Салливаном, в той части, которая сосредоточена на формуле *дерискинга*, но не *декаплинга* – снижение риска, но не отделение от Китая – выдвинутой фон дер Ляйен и принятой в качестве центра тяжести европейской и евроатлантической позиции видна рука Токио.

Немецкая пресса указывает на модерерирующие действия, предпринятые Берлином в согласии с Парижем. Макрон утверждает, что Франция занимает позицию *«равновесия»*, поддержанную *«рука об руку»* Германией и ЕС. Рено Жирар, однако, пишет в *Le Figaro*, что сорок лет сотрудничества с Китаем закончились. Если это ещё не означает войны, то *«большой матч»* уже начался: *«безжалостная игра Запада и Китая за контроль над остальным миром»*.

Global Times сделала два шага, сначала осудив Большую семёрку как *«антикитайскую лабораторию»*, а затем указав на сдержанную позицию ЕС. Пекинское правительство выдвинуло дипломатический протест в отношении Токио и в ответ на *дерискинг* и рекомендации Большой семёрки против *«экономического принуждения»* ввело запрет на чипы американской Micron. В то же время Пекин потребовал от Вашингтона конкретных шагов для подтверждения возможности *«оттепели»*, о которой говорил Байден в конце саммита.

Если теория Каутского обобщает унитарный момент империалистического противостояния, а теория Ленина – неизбежное движение к кризису и распаду порядка, то та же самая диалектика *единства и раскола* проявилась и на саммите в Хиросиме. Ещё один шаг к стратегическим тезисам Ленина.

Май 2023 г.